

Политическое самоубийство

(Немецкий парадокс)

Современный немецкий парадокс — парадокс политического самоубийства: всякое самоубийство есть некий парадокс. В данном же случае такого рода парадокс заключается в том, что сама демократия, т.е. народ, демократическим путем выборов (конститут. мероприятия и пр.) упраздняет демократию. Естественно, встает вопрос об ответственности.

Всякое поражение есть всегда с обратной стороны победа. Так — объективно. Но с субъективной стороны может быть и так, что данная победа не есть в то же время чье либо поражение, или поражение не есть победа. Иначе говоря, когда данная победа-поражение обязана силе победителя, тогда это победа; когда же она обязана слабости побежденного, тогда это поражение. В немецких же событиях нет ничьей победы, есть только поражение, ибо в них сказалась не сила «реставраторов», а несостоятельность, слабость демократии.

Так события снова и на этот раз с ясной и сокрушительной аргументацией поднимают нашу основную проблему о неodemократии. И это проблема теперь — быть или не быть вообще свободному правовому строю.

В постановке же этой проблемы нужно до всяких возможных полит. рассуждений спросить: недостатки соврем. демократии суть ли явления «исторические», или «логические», т.е. свойственные самому существу строя? Если имеет место последний случай, тогда нужно вообще отвести демократический строй, если первый — тогда, действительно, на очереди большая историческая проблема творчества новых высших форм и нахождения обоснований демократии. Не трудно было бы показать, что недостатки современной демократии суть недостатки переходящих исторических форм. И в самом общем виде они заключаются в том, что сознание современной западно-евр. демократии совершенно не на уровне тех величайших запросов текущего всемирно-исторического момента, которые происходят из полного переворота жизненных отношений, совершающегося во всех сферах существования.

В переживаемых событиях, особенно немецких, обнаружился один крайне существенный пробел в государственно-политическом сознании современной демократии: отсутствие теории ис-

ключительного положения. Практики (как Брюнинг, напр.), натолкнувшись на этот пробел, восполняли его более или менее случайными и паллиативными, а главное, замаскированно-нелегальными мерами. Однако мысль, которая бы попыталась восполнить этот пробел, должна иметь в виду, что теперь проблема исключительного политического положения стоит на общем фоне проблематики исключительного культурно-исторического положения.

Н. Качалов.

О Горгулове и горгуловщине

В деле Горгулова характерно русским является не столько само преступление, сколько отношение к нему самих русских. Известна наша давнишняя и столь закоренелая национальная черта самооплевывания и самосечения (при том обязательно публичного). Не замедлила она сказаться и здесь — в этом чудовищном и гнусном преступлении. Так, один известный публицист разразился целым фельетоном, где «горгуловщине» сообщается какое-то универсальное национально-русское значение. А ред. «Нов. Гр.» допустила уж совсем неосторожную статью в этом же роде. Основания для самообличения в «горгуловщине» статья в «Новом Граде» усматривает в особенности в эмигрантском активном анти-большевизме — во первых, и в нашем эмигр. национализме — во вторых. — Но так ли это?

Эмиграция — да, борется с большевиками, иначе она не была бы политической эмиграцией. Но при чем тут убийство Президента Французской Республики, сочувствовавшего к тому же рус. эмиграции!? Какая тут логическая зависимость!? Активный анти-большевизм может вести к убийству большевиков, но как он должен был привести к убийству Президента Французской Республики — нам так и осталось не ясным. Дальше.

Эмиграция — да, националистична. Но какая же из современных наций свободна от национализма? Почему же у нас это должно вести к «горгуловщине», или определеннее выражаясь, к отвратительному, гнусному преступлению, при том против главы дружественного нам народа?!

Дело тут, конечно, не в логике, дело, повторяем, в нашей национальной психологии, в обычном для нас стремлении обобщать до размеров обще-национального явления всякое патологическое проявление, всякую гнусность, совершаемую в нашей среде. У каждого народа есть своя национальная патология, своя хроника преступлений, уродств, общественно-политических извращений и пр. Но толь-